

Агеносов В.В. «Чтоб плыть и плыть, захлебываясь в звездах...»: Н. Моршен (Марченко) // Агеносов В.В. Литература русского зарубежья (1918-1996). — М.: Terra. Спорт, 1998.

НИКОЛАЙ МОРШЕН (МАРЧЕНКО)
(род. 1917)

«ЧТОБ ПЛЫТЬ И ПЛЫТЬ, ЗАХЛЕБЫВАЯСЬ В ЗВЕЗДАХ...»

Николай Муршен называет себя «истинным ровесником Октябрьской революции»: он родился 8 ноября 1917 года в Киеве и прошел все испытания, которые выпали детям интеллигенции в революционной России. Сам поэт писал об этом так:

Он прожил мало: только сорок лет.
В таких словах ни слова правды нет.
Он прожил две войны, переворот,
Три голода, четыре смены власти,
Шесть государств, две настоящих страсти.
Считать на годы — будет лет пятьсот.

В 1944 году вместе с отцом Николаем Владимировичем Марченко, ставшим впоследствии известным романистом (псевдоним Н. Нароков) оказался в Германии. Моршеном, по собственному объяснению поэта, он стал после войны в лагере для перемещенных лиц, «чтобы избежать репатриации, я был румыном — по документам, конечно. Фамилию я выбрал загадочную, по которой нельзя было определить национальность. В это время я стал печататься, и так как всегда был против псевдонимов, то стал печатать стихи под той фамилией, которая, как я полагаю останется со мной на всю жизнь». С 1950 года живет в Калифор-

нии (США). О своей жизни поэт предпочитает не рассказывать: «Все, что я хотел бы сказать читателям, я говорю в стихах. Остальное не важно», — написал он составителям сборника «Содружество» в ответ на их просьбу прислать автобиографию.

Печататься поэт начал в 1948 г. сначала в «Гранях», позже — в «Новом журнале», антологиях, сборниках и альманахах. Своих авторских сборника он выпустил всего три: «Тюлень» (Франкфурт-на-Майне, 1959), «Двоепочие» (Вашингтон, 1967) и «Эхо и зеркало» (Беркли, 1979). В них общим счетом 139 стихотворения, что свидетельствует о большой самовзыскательности поэта.

Разумеется, за двадцать лет поэт не мог не измениться. Стихи первой книги более автобиографичны, лиричны. Здесь совершенно четко ощущаются традиции Н.Гумилева. Вторая проникнута философскими раздумьями, Моршен находится здесь под явным влиянием антропософии и теософии Тейяра де Шардена и поэзии Б.Пастернака и О.Мандельштама. Третья отражает сформировавшиеся взгляды писателя и отличается значительно большим новаторством формы. Тем не менее все они объединены тематической общностью. Многие стилевые новации последней книги поэта намечены уже в первой. Автор предисловия к ней известный поэт и критик Владимир Марков писал, что стихи Моршена отличает «острая мысль, внутренняя страсть, а иногда и увлекательная игра смысловых контрастов и точек зрения».

Это видно уже в стихотворении, обусловившем название первой книги поэта. Протоколно сухой рассказ о человеке, который вынужден вместе со всеми голосовать за чью-то казнь, о душевной атмосфере этого собрания переходит в лирически взволнованный рассказ об этом человеке после собрания:

И папироску в зубы. И — в сады
.....
И здесь бродить. Сперва — томясь, потом —
Уйдя в покой туманных размышлений
О постороннем, в частности о том
По детским книжкам памятно тюлене.
Который проживает там, где лед
Намерз над ним сплошным пластом снаружи
Тюлень сквозь лед отдушину пробьет
И дышит, черный нос с усами обнаружа.

Среди ранних стихов Н. Моршена лишь несколько однозначно трагических. В том числе написанное под влиянием Гумилевского «Заблудившегося трамвая» «На Первомайской жду трамвая», где рефреном проходит стих «Трамвай подходит, но не мой» и рождается страшное ощущение: «Ты, вы, они, мы опоздали!». Жутковато звучит и другое стихотворение первого сборника «Как круги на воде, расплывается страх...»:

Как круги на воде, расплывается страх,
Заползает и в щели и норы,
Словно сырость в подвалах — таится в углах,
Словно ртуть — проникает сквозь поры.

Олицетворение, яркие по-бытовому понятные сравнения превращают политический текст в подлинно поэтический:

А вдали, где полгода (иль более) мрак,
Где слова, как медведи косматы:
Воркута, Магадан, Колыма, Ухтпочлаг...
Как терновый венец или Каина знак —
Круг полярный, последний девятый.

«Об утраченном равновесии» говорят стихотворения «Хиросима» и «Гроза». Скепсис и ирония порой звучат и в последней книге поэта:

Красна девица сделалась синим чулком,
Сине море — зеленою скукой.

.....
Синей птицей мерещится красный лопух,
Белый свет — семицветною грязью.

(Воспаление зрительного нерва)

...Из девицы-красавицы,
Душеньки-девушки, певшей в церковном хоре,
Получается вскоре
Прекрасная пиковая дама с собачкой,
Приятная во всех отношениях.

(Норма брака)

Соединение блоковских и чеховских героинь с их высокой духовной жизнью с пушкинской ведьмой и гоголевским ироническим образом дамы, приятной во всех отношениях, — свидетельство частичной принадлежности Н. Моршенина и к постмодернистской традиции.

Вместе с тем через все творчество поэта проходит мысль о свободе, о противостоянии фатуму, «страшному миру» XX века. Моршенин даже вступает в полемику со своими предшественниками, поэтами «парижской ноты», обвиняя их в слабости:

А ты, бедняк, я вижу, заново
Поешь о том, что мы умрем.

.....
А ты бы загадал желаньице,
Да помечтал бы, загадав:
«Хочу, чтоб создавало творчество
Из бунта храмы, а не храмики,

Чтоб побеждало смертоборчество
Второй закон термодинамики...».
(Ответ на ноту)

Скрытая полемика с О.Мандельштамом звучит в стихотворении «Не убежишь! Хоть круть, хоть верть». Дословно повторив мандельштамовские строчки «И сам себя несу я, как жертва палачу» («Я наравне с другими...»), обращенные к возлюбленной, и даже усилив их сравнением «как бык к то-реадору», поэт тем не менее скажет:

Казнь и убой! А я хочу -
Как два бойца, как два клинка.

.....
И чтобы шанс, и чтобы спор,
И — даже — смертью смерть поправ!

Тема эта настолько дорога Н. Моршену, что он уже в последней своей книге с юношеской дерзостью отваживается оспаривать самого Пушкина, провозгласившего в стихотворении «Из Пиндемонти» мысль, будто только внутренняя свобода составляет смысл человеческого бытия. Поэт сталкивает это утверждение своего кумира с написанными в том же 1836 году стихами американского поэта Р.У. Эмерсона, славящего фермеров, с оружием защищавших свои политические свободы, и пишет:

Свобода тайная? Бог с ней!
Я славлю явную свободу
И для зверей и для людей.
(Послание к А.С.)

Н. Моршен настойчиво ищет антитезу «веку-волкодаву», как называл его О.Мандельштам. Так уже в раннем стихотворении «Вечером 7 ноября» поэт не ограничивается картиной казенных празднеств и противопоставляет им

Ночной и рассудочный воздух,
Рябины прогоркшие кисти,
Звезды запоздалой пробег
Сперва осыпаются звезды,
Затем осыпаются листья,
За листьями сыплется снег.

Природа, по Моршену, прекрасна и одушевлена:

Пахнет липой и бензином воздух:
По ночам все запахи слышны.
Птицы спят, попискивая в гнездах:
Вероятно тоже видят сны.

(Остывают камни...)

Как и у Б. Пастернака, перед читателем раскрывается поистине космическая картина обычной природы. Хотя, быть может, еще более противоречивой, чем у предшественника.

Противопоставление и сосуществование добра и зла, олицетворенных в образах «лучистой, в белоголубом» церкви и «низкорослых домов с прищуренными глазницами низких окон», составляет лирический конфликт стихотворения «Андреевская церковь». Маяк, традиционно символизирующий спасение, жизнь может нести смерть разбивающимся о него чайкам («У маяка»).

Мир и человек у Моршена противоречивы, безобразие и красота взаимосвязаны. Эта мысль присутствует и в стихотворении второй книги «Только руками кусты раздвину», где поэт, любуется паутиной:

Пятиугольник
Из паутинок,
Из бусинок-росинок
Замысловатый рисунок.

.....
Ветви налево, травы направо
Шепчут согласно: «Слава! Слава!»
И облаков белоперых стая,
Перелетая... летая... тая,
Вдруг синевой изнутри окрасится.

И вдруг замечает, что в этой «храмине синей муха звенит и звенит в паутине» и звук ее, «как глас вопиющего в пустыне».

Но наиболее полное воплощение эта мысль получит в последней книге «Эхо и зеркало»:

В небытии есть быть,
А в глухоте есть ухо,
В любить таится бить,
В аду — кусочек духа.
У каждой из частиц
Есть собственное анти-,
У лестницы есть ниц,
И Данте скрыт в педанте.

(Диалексика природы)

Слова сближаются, дыша
Простой и сложной симметрией:
Как *R* и *Я*, как *t* и *ш*,
Или как Марфа и Мария.

.....
В весеннем — сень, в томленьи — лень,
В распаде — ад, в сближеньи — жженьи
(Двоичное счисление)

Стихотворение «Такие в мире есть пути» имеет второй строкой «Что их кривее не найти», а заканчивается повтором первой и противоположным: «Что их прямее не найти».

И уже в сборнике «Тюлень», несмотря на неостывшую ненависть поэта ко многому в минувшем, все чаще звучит мысль, что

...надо лишь перешагнуть,
Чтоб плыть и плыть, захлебываясь в звездах.
(*Напрасно я со страхом суеверным...*)

Эта мысль получит отчетливое выражение в более позднем стихотворении поэта «Балерине»:

Забыть, что зори пахнут кровью,
Что ночи прячутся в груди,
Что мы живем в межледниковье —
Льды сзади, холод впереди.

Одно из последних стихотворений первой книги называется символически «Исход». Лирический герой призывает пойти «на самый дальний край земли, забыв, что нет такого края» и там

Мы сядем рядом на обрыв
И свесим ноги непременно,
Их до колена погрузив
В поток несущейся вселенной.

.....
Мы будем верить тишине,
Вдыхать космические ветры,
Следить летящие вонне
Секунды, звезды километры.

В соединении несоединимого (прозаически свешенных ног и вселенной) видно влияние Б. Пастернака с его «за тын перейти нельзя, не топча мирозданье». Эту связь подчеркивал и сам поэт:

Я не горжусь своим стихом.
Неточен почерк мой. Однако
Есть у меня заслуга в том,
Что я читатель Пастернака.
(*Ткань двойная*)

Книга «Тюлень» завершается стихотворением «1943», один из персонажей которого крестьянин-торговец на рынке оккупированного Киева подходит к букинисту «выбирает наугад» томик с надписью «Тютчев»

И приподняв усы живые,
С трудом читает то впервые,
Что кто-то подчеркнул до дыр:
«Счастлив, кто посетил сей мир
В его минуты ро-ко-вые...»

Так в поэзию Н.Моршенина входит тема космоса, судьбы вселенной.

Среди орбит, среди лучей
Среди отсутствия вещей,

Среди космической глуши,
Среди кладбищенской тиши,
Среди молчанья мирового,
.....

Летит, кружит, поет Земля,
Окутанная дымкой слова.
И мнится мне, что ей одной
На долю выпал звонкий жребий:
Быть первой клеточкой живой,
Стать Вифлеемскою звездой
В еще бездушном косном небе
(Среди туманностей цепных)

Верный своему принципу рассматривать все явления в диалектике, Н.Моршен ведет сам с собой спор о смерти и бессмертии, о соотношении смертного человека с вечным космосом. Он понимает, что от смерти не убежишь «хоть круть, хоть верть», что «нахлынет смерть из темноты» («Осенний жалуется норд»). Поэт даже доходит в своих сомнениях до богохульства, утверждая, «что страх, что Божьим ты зовешь, продукт физиологии». Но тут же на примере Елены Келлер утверждает, что можно «свой перешагнуть предел»:

Растет в кромешной тишине
Нащупанное мирозданье.
И как цветок из темноты
Ей раскрывается навстречу.

В соответствии с антропософской теорией, вобравшей в себя и понятие кармы (перевоплощения душ), поэт, обращаясь к «Душе», говорит: «Ведь оба мы не умираем». Исчезает тело, а душа идет «назад за новым пилигримом». Несколько позже Н. Моршен разовьет эту мысль, сказав, что и поэтическая строфа в отличие от живой клетки имеет свой «код иль ход», который как бы над временем живет»:

Он вхож и в высший, в райский план,
И в маломерные пространства,
И в отвлеченные миры
Для продолжения игры.

Осознание пути человечества как постоянного движения к совершенству, присущее и антропософии, и учению Тейяра де Шардена, передано и в стихотворении «Ода эволюции», перекликающемся с мандельштамовским «Ламарком». Писатель обращается мыслью к своему еще «пресмыкающемуся пращуру»:

Нет, он предугадать не мог
Разлив грядущих поколений,
Неиссякающий поток

Взаимосвязанных явлений,
Меня в цепочке появлений,
Мой мир, где рядом Планк и Блок.

Мысль о пращуре уводит поэта к размышлению о потомке:

...как мне предугадать того,
Чьим скромным пращуром я буду[...]
Он явится. пойдут века...
Да что века — миллионолетия!
И вспомнит нас из далека
Таинственный потомок третий.

.....
И в рай сознания его
Мы прорастем своим сознанием.
Проявятся из серой мглы,
Вещественны и непреложны
Все, как бы ни были малы
И как бы ни были ничтожны.

В свете этой мысли писателя становится понятно название его второй книги:

Я смерть трактую не как точку —
Как двоеточие.
(Шагаю путаной дорогой...)

Еще одной темой, пронизывающей все творчество Н. Моршена, является тема личности, ее выбора и свободы.

«За каждой гранью свое мирозданье», — утверждает поэт в одном стихотворении. «Все непохожи друг на друга», — говорит он во втором. Неприятие унифицированности людей даже во имя самых звучит в парадоксальном на первый взгляд выводе стихотворения «Цветок»:

Бог знает, сколько радостей,
Приносит эгоизм,
Черт знает, сколько гадостей
Наделал альтруизм.

Однако, эгоизм и «свое-волие» у Моршена не несут традиционного смысла. Эгоизм-индивидуализм чужд поэту, о чем он прямо говорит в стихотворении «Поиски счастья», интересного еще и своим графическим построением:

Где Я выходит на первый план
Там только скука, туман, обман
рождение — Яйцеклетка
жизнь — Ярмо
любовь — Яд
смерть — Ящик

А в том, где я на заднем плане,
Есть или счастье, иль обещанье:

Рождение — воля
Жизнь — стихия
Любовь — семья
Смерть — вселенная.

Другими словами, под эгоизмом Моршен, как и его любимый Пастернак в «Докторе Живаго», видит духовное богатство человека. В стихотворении «Свое-волье» поэт, играя словами, говорит, обращаясь к революционерам: «нашеволье — для веры, Вашеволье — чтоб править». Более того, в «Эхе и зеркале» настойчиво утверждается, что каждое глубоко индивидуальное явление жизни одновременно несет в себе черты рода, играет общественную роль:

...я — это не я, а мы:
Скромный Град друзей

.....
И каждое я — это мы,
И каждая былинка — это поле,
И каждое дерево — это лес,
И каждая особа — это вид.

А все, что называют
Полям лесом, нацией,

.....
Это сверхорганизмы, сверхособи,
Образующие в свою очередь
Под лазурно-серебряно-огненным куполом
Сверхград друзей, над которым вьется
Зелено-желто-белое
Знамя природы.

Можно спорить, насколько художественно выражена здесь русская идея соборности, общности человека и природы. Возможно, Моршен, как это порой присуще его философским стихотворениям, излишне рационалистичен, но сама мысль чрезвычайно важна для понимания его творчества.

Начиная со стихотворения «Раковина» первой книги поэта тема включенности человека в природу сопрягается у Моршена с темой поэта и поэзии. Возможно, что и здесь на художника оказал влияние О. Мандельштам, стихотворение которого под тем же названием очень близко к моршеневскому. Нельзя сбрасывать со счетов и связь «Раковины» с пастернаковским «Определением поэзии»:

Это — круто налившийся свист,
Это — шелканье сдавленных льдинок,

Это — ночь, леденящая лист,
Это двух соловьев поединок...

И уж совершенно очевидно под влиянием статьи О. Мандельштама написано стихотворение «Былинка». В его основе — начало статьи Мандельштама «Слово и культура»: «Не метрополитеном, не небоскребом измеряется бег современности: скорость, а веселой травкой, которая пробивается из-под городских камней». У Моршена былинка пробивает бетон:

Упираясь вершинкой тоненькой
В землю влажную, как ногой,
Под стотонной плитой бетонною
Выгибает себя дугой.
И оковы ее, которые
Не стащить и пяти волам,
Как в классической аллегории,
Разрываются пополам.

Прямое указание на аллегорию позволяет Моршену завершить эпизод неожиданно двумя энергичными стихами:

Есть примеры тому в истории.
А недавно и Мандельштам.

Образ погибшего поэта, преодолевшего стихами тяжесть земной оси и победившего время, олицетворяет у Моршена искусство.

Эта тема развивается в стихотворении «Волчья верность». Поэт, утверждает Н.Моршен, как и волк, «уходит от любой дрессировки, как велит генетический долг»,

Ковыляя, с холодеющей кровью,
С волчьим паспортом, волчьей тропой
Из неволи в такое безмолвье,
Где хоть волком в отчаянье вой.

В стихотворении «Многоголосый пересмешник», открывающем сборник «Эхо и зеркало», пение птиц сравнивается с поэзией: «Есть птица — ямб, есть птица — дактиль, но птица-рифма — только он». В «Юродивом» лирический герой утверждает:

То рифмы из травы беру
И, как дрова, их разбираю...

.....
То, ветер слушая, пишу,
То — реполова-краснобая,
То просто рифмами дышу,
Их выдыхая и вдыхая.

В стихотворении «Все то, что мы боготворим...» Моршен сравнивает строку с вихрем, пламенем, рекой и утверждает, «что в ней, в одной из строк, Б е с с м е р т ь я , может быть з а л о г ».

Поэт, утверждает Моршен в триптихе «Недоумь-слово-заумь», связующее звено живой природы и вечности. В первой безымянной части стихотворения идет переключка поэта и дятла:

Мы с ним спелись для дуэта:
Отбивал он т а к и т о к,
Я проворно в схему эту
Подключал за слогом слог.

Вторая часть «Поэт» говорит, что

На человеческий язык
Речь духа переводит лира,
На недоумь — звериный рык,
На заумь

СОТВОРЕНИЕ МИРА.

Появляется упомянутый еще в «Двоеточии» образ «Сезама» («Шагает как военнопленный»):

Крутой замес еще бродил в сезаме.
Змеясь, жило в нем словопламя,
Формировался звукоряд,
И появлялись буквосвойства:

Сезам
АЗ ЕСМЬ
АЗ Е = МС²

Сезаумь, откройся!

Предпоследняя строчка — формула теории относительности Эйнштейна: ключом к человеку, пространству и времени, может и должно, по Моршену, стать слово. Другое дело, что художнику в его стремлении остановить мгновенье приходится постоянно состязаться с природой, стремящейся к бесконечному развитию. И это вечное состязание жизни и слова — одна из любимых тем поэта.

В одном из последних стихотворений Моршен, рассказав о внезапно умолкнувшем на высокой ноте жаворонке, говорит

Так умолкнуть бы и мне —
На воздушной вертикали
В достижимой вышине.
Не сползать с зенита чтобы,
А кончину встретить в лоб
Песней самой высшей пробы,
Самой чистой... Хорошо б!
(Умолкший жаворонок)

После этого стихотворения, написанного в 1987 году, поэт умолк почти на 10 лет. И лишь в канун своего 80-летия создал два новых, говоря его словами, самой высокой пробы: «Подражание

Р. Фросту» и «Поэтов увлекали прорицанья...». В последнем Моршен вступает в философский спор со своими великими предшественниками Лермонтовым, Пушкиным, Есениным, Гумилевым, Достоевским, чьи слова о смерти ключены в текст стихотворения, с их трагическим мировосприятием, выдвигая иную жизненную установку, державинскую, слова которого вынесены в эпиграф моршеновского текста (*«Утром раза три в неделю С милой музой переелюсь, Там опять приду в постелю И с женою обоймусь»*):

порезвлюсь пойду
Поэтов увлекали прорицанья
Внезапной смерти, яростной притом,
В полдневный жар долины в Дагестане
Или в зеленый вечер под окном.
Тянуло их писать, как на дуэли
Поэт на снег роняет пистолет,
Предсказывать, как вышло и на деле,
Умру не на постели, в дикой щели
Твердить: *«Пора Творцу вернуть билет».*
Но быть пророком, даже знаменитым невеликим,
И мудрым звездочетам не дано.
А словом опрометчивым накликать
Несчастье на себя не мудрено.
Не отогнать накликаемые беды,
Хоть можно вспомнить об иной звезде:
Минут пяток всхрапнуть после обеда
И побродить уже во сне по следу
Державина в зеленой Званке, где
Струилась жизнь певца подобно чуду
Подробно, ~~бегля~~ резво, но не впопыхах.
Была жена в постели, Бог повсюду,
И вкус бессмертья длился на губах.

Характерно, что последние сборники поэта завершаются обращением к языку, к русской речи.

Моршен стремится включить в свою речь все богатство живого языка, повторяя вслед за А. Пушкиным, что учиться языку поэт должен у московских просвирен:

Скорее к родимому дому:
К просвирням, на рынок, в стихи!
На говор иди человеческий,
Катись на простор просторечий,
Хиляй в воровские жаргоны,
Нырять без плацкарты в вагоны,
В объятья вались к подмастерьям,
Под перья ложись к мастерам,
Но — кукиш ученым материям
И их очумелым пирам!
(К русской речи)

Демонстрируя виртуозное владение высоким стилем, поэт тем не менее отдает предпочтение живому слову.

Колико росские пииты
В дни оны жили на земли,
Толико гласно, сановито
Они высокий штиль блюли, —

начинает Моршен рассказ об И. Баркове. Заслугу автора «Луки Мудищева» поэт видит именно в том, что тот

...вздыбил стих неукрощенный,
Еще не обращенный в штамп,
Дабы заржал весь мир крещеный
И жеребцом дымился ямб.

(Иванушка)

Поэзия, по Моршену, — единственное, что преодолевает хаос и соединяет быт и бытие:

Себя являя в пойсках — чего?
Ловя преданья гоЛоса — какого?
Она вливает в хаОс волшебство,
Водой живой взвиВая вещество,
Она и хаос претвОряет с СЛОВО.

Сложнейшая и виртуозная форма акростиха в середине строфы и в ее конце позволяет поэту графически выделить ключевое понятие его творчества.

Несокрушимый оптимизм, редкий для поэзии русской эмиграции, вызвал к жизни и особые художественные формы поэзии Моршена.

Ритмику Моршена при всей ее традиционности отличает динамическая энергия, создаваемая четкими повторами ударений в параллельных стихах, короткими фразами, нарастанием от сборника к сборнику использований тире, вопросов, восклицаний.

Живая жизнь передается у поэта олицетворениями и метафорами: «месяц — мамонт со светящимся клыком», «тростник отточен словно сабля», «уходит осень по тропинке», «оставляют метели свою канитель», «земля под дождем от страха мякла», «созвездья ночью искры мечут», «ручей — поэт подпочвенный», «галки выются, как слова», «закат, сраженный на бегу, окровавил сосульки», «луна, разжиревшая за день», «тускнеют звезды, словно запотев», «сердца запевают соловьями из клетки», «повержен снег и день убит», «река и ночь струятся вдохновенно и торжественно, как старые стихи», «Хиросима — город, обнаженный для распя-
тья», «тень — кошка», «облако — кипящая медь», «парчой тропу одели огнелистые дубы», «клены перелистывали много-

томный свод небес». Во всех этих олицетворениях и сравнениях природа, человек, поэзия слиты воедино.

Стремление раскрыть диалектику явлений, заставить звучать заново привычные слова приводит поэта (и чем дальше, тем больше) к разделению слов на слоги (свое-волье; под- над- без- вне- сверхсознание; под-снежник, боли-голов, чаро-действие, благо-даря, оче-видным и т.п.) или образованию необычных новых словосочетаний («не водопад — а водокап, не травостой — а траволяг»; «дух птициановый»). Классическим примером мастерства словообразований Моршена является стихотворение о снеге «Белым по белому», где слова «зима» и «снег» используются в сочетаниях: зима в снежливости; белым-бело, мелым-мело; снеголым-голо; стежка снегладкая, сугробная; дубы снеголые; на елочке снеговоздики, снеголучки; сугробовая тишина; снеграфика, снеготика.

Иронический, но отнюдь не скептический оттенок придают стихам поэта использованные им в своеобразном соединении технические термины XX века («сокровищница генная», «электромагнетизм», «термодинамика») и просторечия типа «ахи-охи», «тары-бары», «фигли-мигли»; «тру-ля-ля и те-те-те».

Оживляют стихи и придают им динамику звукоподражания птицам, эху («зин-зи-вер» и «чы-вы, чы-вы» и «питть-пить-пить» и «спать-пойдем»).

Радостность, светлость придают стиху Моршена и виртуозные рифмы (искусница-златокузница, рассказывай-топазовый, ерепенится-смиреница, на зиму-празелень, озером-прозелень, такт-смарагд, изумруд-не замрут), и фонетические повторы внутри одной строки или строфы.

Выше уже приводились примеры игры словами, когда буквы слова «се-зам» превращались в другие слова, в математические формулы. Другим примером прозрения в обычных словах скрытого смысла является стихотворение «Приметы». В слове «атанде-с» из эпиграфа шестой главы пушкинской «Пиковой дамы», Н.Моршен услышал фамилию убийцы поэта «Дантес». Так вновь чисто языковыми средствами писатель доказывает основную мысль своего творчества: искусство — эхо и зеркало мира, или (что то же самое) мир — зеркало и эхо человеческих чувств и эмоций.

В отклике на первый сборник Моршена известная русская поэтесса Ирина Одоевцева написала, что автор «Тюленя» «молод и здоров, гораздо моложе душевно своих сорока лет». Эту молодость и здоровье поэт сохранил и в пятьдесят, когда писал «Двоеточие», и в шестьдесят, когда создал «Эхо и зеркало».

Поэзия Моршена — светлая жизнерадостная струя в литературе русского зарубежья.

АННОТИРОВАННЫЙ СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Моршен Н. (Подборка стихов) // Новый мир. — 1989. — № 9. — С. 65-67.

В публикацию вошли стихотворения Моршена «Генетический долг: волчья верность», «В отходящем, уже холодеющем дне...», «Я свободен, как бродяга...», «Иванушка», «Русская сирень», «Повисла ива у обрыва...».

Моршен Н. (Подборка стихов) // Вернуться в Россию стихами...: 200 поэтов эмиграции. Антология — М.: Республика, 1995. — С. 331-333.

В книгу вошли два стихотворения поэта: раннее — «Тюлень» и относительно позднее «Многоголосый пересмешник».

Моршен Н. Тюлень: Стихи. — Франкфурт-на-Майне: Посев, 1959.

Первая книга поэта содержит 37 стихотворений.

В предисловии Владимира Маркова выделены 3 основные темы раннего творчества Моршена: страшный мир; мир как источник радости и абстрактный мир («рассудочный воздух»). Мысль критика, что у Моршена «преобладает тоска», была оспорена И. Одоевцевой в статье «О Николае Моршене» («Новый журнал» — 1959. — № 58. — С. 116-121).

Моршен Н. Двоеточие. — Вашингтон. — 1967.

Включает 49 стихотворений, написанных в 60-е годы. Переключки и даже влияние Б. Пастернака и О. Мандельштама не лишает стихи самобытности и оригинальности.

Моршен Н. Эхо и зеркало (Идеоподражание и дееподражание) — Berkeley, 1979.

Включает 54 стихотворения, преимущественно опубликованных до этого в периодической печати («Новый журнал» и др. издания).

Моршен Н. Собрание стихов. — Berkeley, 1996.

Наиболее полное издание стихов поэта. Наряду с произведениями всех трех предыдущих книг включает в себя новые стихи поэта, объединенные в цикл «Умолкший жаворонок». Дана краткая биография поэта и сведения о первых публикациях стихотворений, не входивших в сборники.

Витковский Е. Дань живым // Новый мир. — 1989. — № 9. — С. 59.

Крупный знаток поэзии русского зарубежья и публикатор стихов Моршена, Е. Витковский долгое время находился в переписке с поэтом. В статье приводятся некоторые факты биографии Моршена. Сообщается, что его поэзию первым высоко оценил Г. Иванов (в 1950 году).

Нарциссов Б. Под знаком дифференциала: Поэзия Н. Моршена — Новый журнал. — 1979. — № 125. — С. 135-144.

Наиболее подробная статья о всем творчестве поэта. Ряд ее положений вошел в настоящую главу.

Вайль И. Николай Моршен и мы или ритм и стих (о книге «Эхо и зеркало»). — Новый журнал. — 1986. — № 165. — С. 207-231.

Филологическое исследование ритма и слова в поэзии Моршена. В основном внимание обращено на формальное новаторство поэта.

Karlinsky S. Morshen after Ekho i Zerkalo // Культура русского модернизма. — М., 1993.

В статье известного американского ученого анализируются стихи поэта, составившие позднее цикл «Умолкший жаворонок».